

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-268-279>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. А. С. Бокарев

г. Ярославль, Россия

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ В ОБРАЗНОЙ СТРУКТУРЕ ЛИРИКИ АЛЕКСАНДРА БЕЛЯКОВА

Аннотация: Восходящий к языковой архаике образный синкретизм интерпретируется в статье как комплексное представление нескольких семантических признаков в одном слове, когда речевой контекст не снимает, а, наоборот, продуцирует неопределенность. Предметом исследования выступают принципы означивания синкретической образности в лирике современного поэта Александра Белякова, рассматривается комплекс репрезентированных с ее помощью тем и мотивов. Анализ показывает, что смысловое наполнение синкретизма в произведениях автора ситуативно, т. е. зависимо от контекста: связь между языковым явлением или приемом (полисемией, омонимией, паронимической аттракцией, трансформацией частей речи) и семантикой неустойчива — и на каждом этапе творчества формируется заново. В ранних стихах с ним сопряжены идеи неустойчивости и неестественности миропорядка; в зрелых и поздних текстах его значение определяется главной темой книги, будь то всеобщее исчезновение-рассеяние (как в «Бесследных маршах»), затянувшийся кошмар сновидца (как в «Углекислых снах») или творческий труд поэта, уподобленный миссии тайного агента (как в «Ротации секретных экспедиций» и «Шпионе шумерском»). При этом лирика А. Белякова едва ли может считаться полноценной «реинкарнацией» языковой архаики — перед нами лишь ее имитация средствами принципиально иной, позднейшей, эпохи. Однако если древний синкретизм был предпосылкой познания и дифференциации явлений, то его современный аналог — неосинкретизм — ставит под сомнение их познанность и свидетельствует о ревизии мира, предпринимаемой поэтическим сознанием.

Ключевые слова: А. Беляков, историческая поэтика, архаическое слово, семантический синкретизм, синкретическая образность.

Информация об авторе: Алексей Сергеевич Бокарев — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, д. 108/1, 150000 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>. E-mail: asbokarev@mail.ru

Дата получения статьи: 18.06.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Бокарев А. С. Семантический синкретизм в образной структуре лирики Александра Белякова // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 268–279. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-268-279>

В работах по исторической поэтике актуализация архаических образных языков осмысливается как одна из ключевых тенденций литературы XX – начала XXI вв. [11; 12; 13; 27]. В поле зрения ученых попадают древнейшие художественные средства — кумуляция и параллелизм, — функционально противопоставленные тропу и как бы дезавуирующие условно-поэтическую природу текста [10, с. 135–137]. Однако не меньший интерес представляют и те немногочисленные (и до сих пор мало исследованные) случаи, когда возвращение к языковой архаике приобретает тотальный характер и в пределе оборачивается «реставрацией» исходной многозначности словесного знака. В современной лингвистике для обозначения комплексного представления нескольких семантических признаков в одном слове используется термин «синкретизм», объединяющий такие явления, как полисемия, омонимия, словосложение, междусловное наложение, трансформация частей речи и другие случаи языковой компрессии¹ [18, с. 56; см. также: 14; 21]. При этом в качестве главного его признака рассматривается «реализация разных смыслов слова или формы в едином речевом акте» [18, с. 57], когда контекст не снимает, а, наоборот, продуцирует неопределенность [18, с. 60]. В отдельных случаях семантическая «диффузия» возможна даже в раздельнооформленных высказываниях — за счет системы структурных повторов, характерных для художественного текста [18, с. 57]. Интерес литературы к архаическим формам мышления как раз и вызван преодолением рационалистического видения мира, неоднозначностью и непознаваемостью действительности в рамках неклассической системы координат [11, с. 274–280]. В исследованиях Л. В. Зубовой, посвященных языку поэзии, дан обстоятельный лингвистический анализ синкретизма в лирике М. Цветаевой [18, с. 56–109], выявлены отдельные его примеры в творчестве современных авторов (А. Альчук, Д. Бобышева, Д. Голынок-Вольсона, Т. Кибирова, В. Кривулина, А. Миронова и др.) [19]. Мы же в настоящей статье сосредоточимся на литературоведческой интерпретации синкретизма в лирике Александра Белякова, целенаправленно осваивающего его художественные ресурсы.

В литературно-критических работах творчество поэта рассматривается как конгломерат «сугубо лингвистических образов, часто перерастающих в афоризмы» [20, с. 69] и формирующих парадоксальную, а то и абсурдную картину мира при «строгом ритмическом и рифменном рисунке стиха» [33; см. также: 15; 20]. Аллитерация и ассонанс, паронимическая аттракция и анаграммирование [20, с. 69; 22, с. 197–198; 32, с. 49], многообразные «семантические игры», возникающие на их основе² [30; см. также: 24], — вот далеко не полный перечень языковых приемов, организующих его произведение. С названными особенностями во многом связан «эффект “непонятности”» («нечленораздельности») образного ряда³, значение которого рождается «на периферии

¹ Наряду с «синкретизмом» исследователями широко используются понятия-«попутчики»: «Термин *многоплановость художественного слова* ориентирован более на общекультурный фон слова, на обобщенность его семантики в целом, чем на систему его контекстуально обусловленных значений. <...> Термин *диффузность значения* отражает нечеткую выраженность смысла языковой единицы, возможность этой единицы быть понятой по-разному в одном и том же контексте. <...> Вместе с тем и полисемия, и многоплановость, и диффузность слова могут рассматриваться как частные проявления синкретизма, потому что смысловой объем слова допускает разную структуру составляющих его элементов [18, с. 57–58; курсив автора. — А. Б.]»

² По мнению В. Тучкова, «семантические игры, замешанные на фонетической близости», роднят поэзию Белякова с творчеством В. Строчкова и А. Левина [30].

³ «Герметичность» стихов Белякова Е. Ермолин объясняет его принципиальной «непубличностью»: «Поэт оказывается важен только сам для себя да для узкого круга заветных друзей и пристрастных ценителей. У него “штучные” отношения с теми людьми, которые для него что-то значат. И если не с каждым и всяким из современников он вступает в контакт, то зато всякий такой контакт в его стихах — дело неэфемерное, нестандартное, безусловно личностное» [16].

смыслового поля слов и словосочетаний» [16]. Однако трактуется эта «непонятность» пишущими о поэте двояко: как «результат... кризиса слова, мертвющего в обезбоженном мире» [16], и как создание своего «театрального зазеркалья», способ «“ответить музыкой на ужас” небытия» [29]. Полярностью оценок удостоверяется, на наш взгляд, основной принцип работы Белякова с синкретической образностью: будучи в его стихах исключительно ситуативной, она выступает в связке с широким кругом разнящихся мотивов. «Механизмы» ее означивания в творчестве автора (начиная с первых сборников и заканчивая публикациями последних лет) далее и будут в центре нашего внимания.

Уже в текстах 1990-х гг., составивших книги «Зимовье» и «Эра аэра», синкретическая образность осознается как неотъемлемая черта поэтического «почерка» Белякова. В стихию игры втягиваются всевозможные языковые явления — от звуковых притяжений, соединяющих «далековатые» понятия («*Державин, ржавый и ржаной, / Сухой и сучковатый...*») [9; курсив в текстах Белякова и далее наш. — А. Б.], до пересегментации текста, заставляющей переосмыслить, казалось бы, хорошо известное⁴ («*...И корифей страшится кори фей, / И зонт горит на горизонте*» [9]). В качестве излюбленного Беляковым хода отметим использование нарицательных существительных в функции собственных, сообщающее абстрактным понятиям предельную, вплоть до гротеска, наглядность и физическую осязаемость («*Императрица Гипертония Петровна / Телесами зело скоромна, / А нравом лобаста: / Придавит бюстом — и баста!*») [9]). Что же касается семантики подобных языковых средств, то ее, как правило, можно свести к двум в равной степени частотным ситуациям: переходу из одного состояния в другое (или пребыванию на границе) и резкому отклонению от нормы, существующей в сознании автора и читателя.

Так, основной темой книги «Зимовье», согласно А. Левину, является «возрастной перелом, смена психологических установок <...> и принятие нового социального и личностного статуса, который проще всего определить словами: “семейный, за тридцать”» [24]. Действительно, пересмотр жизненных ориентиров становится у Белякова сюжетной основой многих произведений, а осознание совершившейся перемены приравнивается к экзистенциальному открытию: «*С небритой рожой ощущаю кожей: / Граница нашей Родины — в прихожей*» [5]. Если домашний быт уподобляется добровольному заключению, а интерьер заурядной малометражки — обстановке тюремной камеры («*Я запер изнутри свою тюрьму. / На теплых нарах — всех по одному: / Шьет женщина, ребенок кашу ест — / Все на местах, и нет свободных мест*» [5]), то словесный повтор в четвертом процитированном стихе создает впечатление не только ограниченности пространства, но и естественности происходящего (актуализируется фразеологизм «на <своем> месте» [31, с. 368]). Однако ситуация перехода (постепенного или внезапного) моделируется Беляковым на самом разнообразном материале: здесь и бюрократические будни чиновника, и поэтическое творчество, и жизнь природы, втянутая в движение времени.

Характерный пример — стихотворение «Летний домик проносился на швах...», сюжет которого «двоится» уже с первой строчки. При поверхностном знакомстве она прочитывается буквально: немудреное дачное жилище приходит в негодность и с насту-

⁴ Интерес представляют также изощренные примеры омонимии: когда продолжением фразы «Я, качаясь на стуле, сидел на трубе...» оказывается строка «...На теплой, кривой, телефонной» [9], «труба» воспринимается и как часть водопровода, и как деталь телефонного аппарата (для совмещения двух значений в едином речевом акте позиция поэтического переноса весьма благоприятна [18, с. 71]).

плением осени пропускает влагу. Однако дальнейшие подробности и события — «...Из прорехи топотуха течет, / Входит голем в олимпийских штанах, / Молча требует квартальный отчет» [9] — подсказывают иной путь интерпретации, не отменяющий предыдущего, но связанный с ним отношениями дополнительности. Словосочетание «проносился на швах» правомерно рассматривать как редкий в поэзии случай межъязыковой интерференции⁵: предложный падеж множественного числа русского «шов» омонимичен немецкому “schwach” («слабый, плохой» [28, с. 327]), а в связке с предлогом напоминает устойчивое выражение оценочного характера, ср.: «на ветер», «на зависть», «на ура» и т. д. Тогда и значение строфы в целом серьезно корректируется: «летний домик» может быть осмыслен и как износившаяся постройка, и как метафора уходящего лета; топотуха — и как дождевая вода, и как доносящиеся снаружи шаги голема; предъявляемые же последним требования указывают на завершение отчетного периода и необходимость оформления документов. Подобно тому, как элегическое рассуждение о наступлении осени оказывается поэтическим памфлетом о заботах чиновничества, на две ипостаси расщепляется и образ лирического субъекта: в то время как «поэт» вдохновенно исполняет «кантату затрат», его «керамический брат», государственный служащий, вынужден прилагать усилия к тому, чтобы дебет сошелся с кредитом (согласно легенде, назначение голема — выполнять за хозяина грязную работу). В последней строфе утверждается необходимость гармоничного сосуществования в человеке разных его личностных проявлений, а описанный процесс интерпретируется и как поэтическое творчество, и как рутинный труд по необходимости: «Черной грязи наскребем по углам, / Станем пышную чернуху лепить. / Что ни вылепится — все пополам... / И попробуем друг друга любить» [9].

Сходный образный ряд разворачивается и в произведениях, основанных на явном (а часто и неожиданном) расхождении с нормой. Источником синкретизма в них являются устойчивые сочетания слов (идиомы, растиражированные цитаты, предсказуемые в своем построении фразы), один из компонентов которых заменяется другим, а замещенный остается в подтексте в виде отчетливого «культурно-языкового фона» [18, с. 103]. Когда на место определения в первой из приведенных строчек — «...Чьим пастушьим веленьем навек солона / Черновая работа во чреве слона» [5] — подсознание подставляет «щучьим», восстанавливая облик фразеологизма [31, с. 62], естественный, но малоприятный физиологический процесс начинает осознаваться как чудо. В свете сказанного уже не столь удивителен финал стихотворения, где символ государственности — двуглавый орел — оборачивается куда менее грозным зверем (не хищником, а жертвой), и современный «маленький человек», пожизненный обитатель офиса, вынужден его спасать: «Я вернулся служить, и лелеет меня / Боевой несгораемый слон трудодня, / До лепных облаков подымающий прах, / Во спасение зайца о двух головах» [5].

Разумеется, подобного рода «подмены» чреватые запланированным комизмом — 1990-е гг. предстают у Беякова временем трудным, но веселым. Карнавальная логика (в том смысле, в каком ее понимал М. М. Бахтин [2, с. 137–148; 3, с. 12–21]) требует устранения любых иерархий, поэтому противоположности нередко меняются местами

⁵ На материале лирики О. Э. Мандельштама подобного рода примеры обстоятельно проанализированы в монографии Г. Г. Амелина и В. Я. Мордерер [1]. Отдельный параграф книги Л. В. Зубовой «Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект» посвящен проблеме совмещения русского и иноязычного значений слова [18, с. 74–78]. К разбору стихотворения Л. Лосева «На кладбище, где мы с тобой валялись...» в аспекте межъязыковой интерференции обращена статья Т. Г. Кучиной [23].

(впрочем, и «подвох» обнаруживается сразу же). Когда автор начинает фразу словами «Цветет за окнами че...», реципиент, не задумываясь, достраивает ее «черемухой» — и оказывается весьма удивлен, увидев в рифменной позиции «чернуху». Под стать обрисованному таким образом пейзажу мыслится занятие протагониста — не самозабвенное сочинение стихотворений, а подсчет прибыли, добытой незаконным путем («Поэт считает черный нал, — / Он государство наебал. / Гордыня распирает грудь: / Почетно зверя обмануть!» [5]). Размыванием ценностной вертикали обусловлена и трансформация тютчевской цитаты, призванной резюмировать происходящее: неизреченные (и едва ли выразимые) сокровенные мысли творца подменяются его невыдающимся заработком — но и то, и другое нужно тщательно оберегать от посягательств: «Молчи, скрывайся и таи / Доходы скромные свои» [5].

Сборники Белякова 2000-х гг., «Бесследные марши» и «Углекислые сны», воспринимаются как переходные от ранних стихотворений к более поздним. Высказывание фрагментируется и сжимается до восьмистишия, сюжеты утрачивают связь с реальностью, а из двух принципов, регламентирующих синкретическую образность, востребуется лишь расхождение с нормой. Однако уже здесь конкретизируется задача, которую ей предстоит выполнять в дальнейшем, а именно обслуживание центральной, вынесенной в заглавие книги метафоры, в свете которой прочитываются отдельные произведения. Например, семантика исчезновения, свойственная «Бесследным маршам» и актуализированная первыми строками стихотворений («Хотенье исчезает в полдень» [4, с. 37], «Рождество истаяло...» [4, с. 44], «На краю насущных краюхи...» [4, с. 62] и т. д.), поддерживается омонимией и сдвигом в роде, в результате чего время года (лето) вливается прямо в реку забвения («Шлепанцами шаркая / Бродит Лета жаркая, / Сонная, дебелая, / Ничего не делая» [4, с. 30]). А неожиданные прозрения сновидца случаются в «Углекислых снах» тогда, когда прецедентные тексты изменяются до неузнаваемости: так, общеизвестная фразеология⁶ и пушкинские «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», соединяются в причудливый гибрид, утверждающий то ли свободу протагониста от мирского, то ли невозможность вдохновения и творчества: «...к ночи рассыпается князь мышей / поутру из трепета восстает / растяни молчание до ушей / правильного слова недостает // как ему безглазому показать / лучезарный день обронив из рук / я тебе вовеки ни тать ни зять / подневольный друг» [7, с. 43].

Особенного внимания заслуживают книги Белякова последнего времени, «Ротация секретных экспедиций» и «Шпион шумерский», разрабатывающие одну и ту же, но постоянно углубляемую аналогию. Когда лирический субъект уподобляется тайному агенту, стихотворения интерпретируются не иначе как шифровки, а читатель выступает в роли контрразведчика или их непосредственного адресата, соратника поэта [26]. Как бы то ни было, большинство сообщений нуждается в разгадывании, и знание кода, основанного на синкретизме, представляется необходимым. Однако то, о чем докладывает «шпион», сопротивляется буквальному переводу: в мире, где привычные отношения распались, «плечо», по выражению ценимого Беляковым А. И. Введенского, запросто можно связать с «четыре» [25, с. 323] — вот лишь приблизительное содержание этих посланий. Средством установления подобных связей служит поэтическая этимология, сближающая неродственные в узусе, но взаимодействующие в речевом контексте понятия. Начальные строки стихотворений — «в утлых тулупах ничком на ледящем льду» [6, с. 43], «сюртуки выходят на сиртаки» [6, с. 71], «не вопи пиво» [8, с. 71] и т. д. —

⁶ См.: «восставать из пепла <и огня>», «до ушей», «ни дать ни взять» [31, с. 93, 714, 172].

задают картину мира, в которой соотнесенность элементов только выглядит произвольной, а на самом деле узаконена и жестко регламентирована. Нарушение этого порядка мыслится как аномалия, ведь там, где «звучание вытеснило значение» [6, с. 78], обыденная логика не работает: «рощи не ропщут / поля не болят / реки блаженно рекут / из тесноты вырывается взгляд / неисправимый якут» [6, с. 72].

Закономерно, что предзаданность и неизбежность абсурда почти не оставляют места для проявлений человеческой индивидуальности, да и само присутствие человека мыслится избыточным. Когда жизнь выстраивается по законам трагедии — с той разницей, что ни *deus ex machina*, ни забытый в кустах рояль не разрешат конфликта, единственное, что ему остается, — это уйти со сцены, стать невидимым. Именно поэтому фонетическую связку в одном из стихотворений образуют «прогони» и «протагониста», а «расхристанная орхестра» указывает на мученическую судьбу последнего [6, с. 54]. Сказанное справедливо и в отношении поэта-шпиона, который за свою немеченность вынужден платить одиночеством (определение «шумерский» свидетельствует, что завербованной его державы давно нет на свете [26]). Регулярно встречающийся мотив — желание обнаружить себя, наладить устойчивый контакт с «другим», будь то союзник или потенциальный противник. Отсюда многократное обыгрывание слов соответствующей семантики: «невидимка в море проявителя / ищет собеседника и зрителя / требует заботы и внимания / засыпает посреди купания» [8, с. 68]; «не лучше ли кануть в стихию иную / воздушную водную или пивную / как в солнечный лес бестелесная птица? // себя засветить / изнутри засветиться» [6, с. 206]. В обоих текстах ключевые слова предполагают сразу несколько трактовок: «проявитель» — это и жидкость для работы с фотопленкой, и то, что тайное делает явным; пару же «засветить / засветиться» следует толковать как «рассекретить себя» и «испытать радость». В последнем случае между двумя значениями уместны причинно-следственные отношения, грамматически рельефно прочерченные в другом стихотворении: «если плавно высветлить картинку / в кадре остается только счастье» [6, с. 71].

Сходное «высветление» происходит иногда и с поэтическим языком Белякова: нанизывание созвучного, нередко граничащее с зауемью, может смениться внятным, тематически оформленным высказыванием. Тексты такого рода служат композиционной опорой книг и способны прояснять многочисленные темноты. Вот как описывается, например, судьба известного разведчика Зорге, «двойника» лирического субъекта: «святой зорге воскрес на зорьке / то ли в мороке то ли в морге / пальцы воздуха холодны / предаваясь светскому дзену / можно снова гулять сквозь стену / только нет никакой стены» [6, с. 27]. Прямое высказывание поэта сродни саморазоблачению агента и приводит к появлению единичных, но весьма точных автометаописаний. Читатель, осваивающийся в поэтическом мире автора, должен учесть, что слова, «упавшие смыслом вниз», нуждаются в том, чтобы их «перевернули» [6, с. 199], и тогда «храм языка <за>сияет как новобранец» [6, с. 209]. Суть этой работы заключается в непрерывном распутывании ассоциаций, «распаковке» и структурировании сжатого, как бы заархивированного (если воспользоваться компьютерной метафорой) содержания. Синкретизм в «шпионских» стихах автора — вариант тайнописи, адресованной узкому кругу посвященных, но эта тайнопись непременно должна быть дешифрована.

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что синкретическая образность в современной поэзии служит разным задачам. В лирике А. Белякова ее смысловое наполнение полностью зависит от контекста: связь между языковым приемом

и семантикой неустойчива — и на каждом этапе творчества формируется заново. В ранних стихах с ней сопряжены идеи неустойчивости и неестественности миропорядка: жизненные представления героя обнаруживают несостоятельность, а попадающие в его поле зрения реалии идут вразрез как с авторским, так и с читательским ожиданием. В зрелых и поздних текстах значение синкретической образности определяется главной темой книги, будь то всеобщее исчезновение-рассеяние (как в «Бесследных маршах»), затянувшийся кошмар сновидца (как в «Углекислых снах») или труд поэта, уподобленный миссии тайного агента (как в «Ротации секретных экспедиций» и «Шпионе шумерском»). При этом творчество Белякова едва ли может считаться полноценной «реинкарнацией» языковой архаики — перед нами лишь ее имитация средствами совершенно иной, позднейшей, эпохи. Однако если древний синкретизм был предпосылкой познания и дифференциации явлений [19, с. 164], то его современный аналог — неосинкретизм — ставит под сомнение их познанность и свидетельствует о тотальной ревизии мира, предпринимаемой поэтическим сознанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Амелин Г. Г., Мордерер В. Я.* Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
- 2 *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры: Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 6. С. 6–300.
- 3 *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // *Бахтин М. М.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры: Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 4 (2). С. 7–508.
- 4 *Беляков А.* Бесследные марши: Стихотворения 2001–2005 годов. М.: АРГО-РИСК; Тверь: KOLONNA Publications, 2006. 80 с.
- 5 *Беляков А.* Зимовье. Ярославль: [б.и.], 1995. 72 с. URL: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/BELYAKOV/Zimovie.html#a> (дата обращения: 05.06.2020).
- 6 *Беляков А.* Ротация секретных экспедиций. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 240 с.
- 7 *Беляков А.* Углекислые сны. М.: Новое изд-во, 2010. 132 с.
- 8 *Беляков А.* Шпион шумерский. М.: Воймега, 2017. 144 с.
- 9 *Беляков А.* Эра аэра. М.: «Carte Blanche», 1998. 76 с. URL: http://levin.rinet.ru/FRIENDS/BELYAKOV/Era_Aera.html (дата обращения: 05.06.2020).
- 10 *Бройтман С. Н.* Два стихотворения К. Случевского. (Образные языки позднеклассической поэзии) // *Бройтман С. Н.* Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 129–137.
- 11 *Бройтман С. Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: в 2 т. М.: Издат. центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.
- 12 *Бройтман С. Н.* Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь». М.: Прогресс-Традиция, 2007. 608 с.
- 13 *Бройтман С. Н.* Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: Изд-во РГГУ, 1997. 307 с.
- 14 *Венгранович М. А.* Семантический синкретизм фольклорного слова // Вектор науки ТГУ. 2012. № 4 (22). С. 233–236.
- 15 *Давыдов Д.* Поэзия сцеплений (о книге Александра Белякова «Углекислые сны») // Книжное обозрение. 2011. № 5 (7–14 марта). URL: http://newkamera.de/ostihah/davidov_o_beljakove.html (дата обращения: 05.06.2020).

- 16 *Ермолин Е.* Александр Беляков. Книга стихотворений // Знамя. 2002. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2002/1/aleksandr-belyakov-kniga-stihotvoreniij.html> (дата обращения: 05.06.2020).
- 17 *Зубова Л. В.* Александр Левин: грамматический театр // *Зубова Л. В.* Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 267–314.
- 18 *Зубова Л. В.* Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 264 с.
- 19 *Зубова Л. В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 432 с.
- 20 *Козлов В.* Пределы абсурда у Александра Белякова // *Prosōdia*. 2016. № 5. С. 69–72.
- 21 *Колесов В. В.* Семантический синкретизм как категория языка // *Колесов В. В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 44–56.
- 22 *Кучина Т.* Правила раскадровки сновидений. О сборнике Александра Белякова «Углекислые сны» // *Мера*. 2012. № 1 (3). С. 195–198.
- 23 *Кучина Т. Г.* «Вся речь его чужой пропахла речью»: о межъязыковой интерференции в стихотворениях Льва Лосева // *Бытие в языке: сборник научных трудов к 80-летию В. И. Жельвиса*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 172–177.
- 24 *Левин А.* Гамбит Белякова // *Знамя*. 1996. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1996/2/gambit-belyakova.html> (дата обращения: 05.06.2020).
- 25 *Липавский Л.* Разговоры // *Липавский Л.* Исследование ужаса. М.: Изд-во «Ад Маргинем», 2005. С. 307–423.
- 26 *Липатов Д.* Осиротевший шпион. О книге Александра Белякова «Шпион шумерский» // *Волга*. 2017. № 9. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2017/9/osiroteвшij-shpion.html> (дата обращения: 05.06.2020).
- 27 *Малкина В. Я.* Модальности поэтика // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 126–127.
- 28 Русско-немецкий и немецко-русский словарь: ок. 6000 слов в каждой части словаря. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Транзиткнига», 2004. 384 с.
- 29 *Сокольский Э.* Прочитанные книги // *Дети Ра*. 2016. № 7 (141). URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2016/7/prochitannye-knigi-65.html> (дата обращения: 05.06.2020).
- 30 *Тучков В.* Александр Беляков. «Эра аэра». Стихи // *Old.russ.ru*. URL: <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-01-26/tuchk.htm> (дата обращения: 05.06.2020).
- 31 *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878, [2] с.
- 32 *Шайтанов И. О.* Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. 656 с.
- 33 *Штыпель А.* Книжная полка Аркадия Штыпеля // *Новый Мир*. 2011. № 8. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/8/knizhnaya-polka-arkadiya-shtypelya-3.html (дата обращения: 05.06.2020).

***

© 2021. Aleksey S. Bokarev
Yaroslavl, Russia

SEMANTIC SYNCRETISM IN A FIGURATIVE STRUCTURE OF ALEXANDER BELYAKOV'S LYRIC POETRY

Abstract: Figurative syncretism that goes back to the linguistic archaism is construed as a complex notion of several semantic symptoms in a single word when the speech context does not eliminate the vagueness but rather generates it instead. Principles of signifying syncretic figurativeness in lyric poetry of the modern poet Alexander Belyakov are the subject matter of the research. The paper considers a package of themes and motifs represented by such figurativeness. Analysis shows that the sense content of syncretism in the author's works is exclusively situational, i.e., it depends on the context; thus the link between a linguistic phenomenon or a technique (polysemy, homonymy, paronymic attraction, transformation of parts of speech) and the semantics is unstable and is formed anew at each stage of the poet's creative endeavors. In the earlier verses, it is associated with ideas of instability and unnaturalness of the world order. In later and mature texts, its significance is determined by the book's main theme, be it the universal disappearance and dispersion of everything (as in "The Traceless Marches"), protracted nightmare of a dreamer (as in "The Carbon-dioxide Dreams"), or creative efforts of a poet likened to a secret agent's mission (as in "Rotation of Secret Expeditions," and "Sumerian Spy"). That being said, A. Belyakov's poetry can hardly be perceived as a full-scale "reincarnation" of linguistic archaism, since actually we are confronted merely with its imitation by means supplied by an essentially new, latest epoch. However, if the ancient syncretism was a premise of the knowledge and differentiation of phenomena, its modern counterpart — neo-syncretism — casts doubt on their knowledge and testifies to the total revision of the world undertaken by poetic consciousness.

Keywords: A. Belyakov, historical poetics, archaic word, semantic syncretism, syncretic figurativeness.

Information about the author: Aleksey S. Bokarev — PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, Respublikanskaya St., 108/1, 150000 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>. E-mail: asbokarev@mail.ru

Received: June 18, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Bokarev A. S. Semantic syncretism in a figurative structure of Alexander Belyakov's lyric poetry. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 268–279. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-268-279>

REFERENCES

- 1 Amelin G. G., Morderer V. Ia. *Miry i stolknoveniia Osipa Mandel'shtama* [Worlds and collisions of Osip Mandelstam]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 320 p. (In Russian)

- 2 Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari: Iazyki slavianskoi kul'tury: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 1997–2012, vol. 6, pp. 6–300. (In Russian)
- 3 Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. In: Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Russkie slovari: Iazyki slavianskoi kul'tury: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 1997–2012, vol. 4 (2), pp. 7–508. (In Russian)
- 4 Beliakov A. *Besslednye marshi: Stikhotvoreniia 2001–2005 godov* [Traceless marches: Poems of 2001–2005]. Moscow, ARGO-RISK Publ.; Tver': KOLONNA Publications Publ., 2006. 80 p. (In Russian)
- 5 Beliakov A. *Zimov'e* [Winter house]. Iaroslavl', 1995. 72 p. Available at: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/BELYAKOV/Zimovie.html#a> (accessed 05 June 2020). (In Russian)
- 6 Beliakov A. *Rotatsiia sekretnykh ekspeditsii* [Secret expedition rotation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 240 p. (In Russian)
- 7 Beliakov A. *Uglekislye sny* [Carbon-dioxide dreams]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2010. 132 p. (In Russian)
- 8 Beliakov A. *Shpion shumerskii* [Sumerian Spy]. Moscow, Voimega Publ., 2017. 144 p. (In Russian)
- 9 Beliakov A. *Era aera* [Era of air]. Moscow, “Carte Blanche”, 1998. 76 p. Available at: http://levin.rinet.ru/FRIENDS/BELYAKOV/Era_Aera.html (accessed 05 June 2020). (In Russian)
- 10 Broitman S. N. Dva stikhotvoreniia K. Sluchevskogo. (Obraznye iazyki pozdneklassicheskoi poezii) [Two poems by K. Sluchevsky. (Figurative languages of late classical poetry)]. In: Broitman S. N. *Poetika russkoi klassicheskoi i neklassicheskoi liriki* [Poetics of Russian classical and non-classical lyrics]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2008, pp. 129–137. (In Russian)
- 11 Broitman S. N. Istoricheskaiia poetika [Historical poetics]. In: *Teoriia literatury: v 2 t.* [Literature Theory: in 2 vols.]. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Akademiia” Publ., 2004. Vol. 2. 368 p. (In Russian)
- 12 Broitman S. N. *Poetika knigi Borisa Pasternaka “Sestra moia — zhizn'”* [The poetics of Boris Pasternak's book “My sister is life”]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2007. 608 p. (In Russian)
- 13 Broitman S. N. *Russkaia lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Sub"ektno-obraznaia struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries in the light of historical poetics. (Subject and image structure)]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 1997. 307 p. (In Russian)
- 14 Vengranovich M. A. Semanticheskii sinkretizm fol'klornogo slova [Semantic syncretism of the folklore word]. *Vektor nauki TGU*, 2012, no 4 (22), pp. 233–236. (In Russian)
- 15 Davydov D. Poeziia stseplenii (o knige Aleksandra Beliakova “Uglekislye sny”) [Poetry of couplings (about the book “Carbon dioxide Dreams” by Alexander Belyakov)]. *Knizhnoe obozrenie*, 2011, no 5 (March 7–14). Available at: http://newkamera.de/ostihah/davidov_o_belijakove.html (accessed 05 June 2020). (In Russian)

- 16 Ermolin E. Aleksandr Beliakov. Kniga stikhotvorenii [Alexander Belyakov. Book of poems]. *Znamia*, 2002, no 1. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2002/1/aleksandr-belyakov-kniga-stikhotvorenij.html> (accessed 05 June 2020). (In Russian)
- 17 Zubova L. V. Aleksandr Levin: grammaticeskii teatr [Alexander Levin: grammar theater]. In: Zubova L. V. *Iazyki sovremennoi poezii* [The languages of modern poetry]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 267–314. (In Russian)
- 18 Zubova L. V. *Poeziia Mariny Tsvetaevoi: Lingvisticheskii aspekt* [Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic aspect]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989. 264 p. (In Russian)
- 19 Zubova L. V. *Sovremennaia russkaia poeziia v kontekste istorii iazyka* [Contemporary Russian poetry in the context of the history of language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
- 20 Kozlov V. Predely absurda u Aleksandra Beliakova [The limits of absurdity in Alexander Belyakov's lyric poetry]. *Prosodia*, 2016, no 5, pp. 69–72. (In Russian)
- 21 Kolesov V. V. Semanticheskii sinkretizm kak kategoriia iazyka [Semantic syncretism as a category of language]. In: Kolesov V. V. *Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov* [Word and deed: From the history of Russian words]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2004, pp. 44–56. (In Russian)
- 22 Kuchina T. Pravila raskadrovki snovidenii. O sbornike Aleksandra Beliakova “Uglekislye sny” [Rules for storyboarding dreams. About Alexander Belyakov's book “Carbon-dioxide dreams”]. *Mera*, 2012, no 1 (3), pp. 195–198. (In Russian)
- 23 Kuchina T. G. “Vsia rech' ego chuzhoi propakhla rech'iu”: o mezh'iazykovoii interferentsii v stikhotvoreniiakh L'va Loseva [“His whole stranger's speech smelt like a speech”: about interlanguage interference in Lev Losev's poems]. In: *Bytie v iazyke: sbornik nauchnykh trudov k 80-letiiu V. I. Zhel'visa* [Being in the language: a collection of proceedings dedicated to the 80th anniversary of V. I. Zhelvis]. Iaroslavl', Izdatel'stvo IaGPU Publ., 2011, pp. 172–177. (In Russian)
- 24 Levin A. Gambit Beliakova [Belyakov's gambit]. *Znamia*, 1996, no 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/1996/2/gambit-belyakova.html> (accessed 05 June 2020). (In Russian)
- 25 Lipavskii L. Razgovory [Conversations]. In: Lipavskii L. *Issledovanie uzhasa* [Horror research]. Moscow, Izdatel'stvo “Ad Marginem” Publ., 2005, pp. 307–423. (In Russian)
- 26 Lipatov D. Osirotevshii shpion. O knige Aleksandra Beliakova “Shpion shumerskii” [Orphaned spy. About the book by Alexander Belyakov “Sumerian Spy”]. *Volga*, 2017, no 9. Available at: <https://magazines.gorky.media/volga/2017/9/osirotevshij-shpion.html> (accessed 05 June 2020). (In Russian)
- 27 Malkina V. Ia. Modal'nosti poetika [Poetics of modality]. In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: a dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi Publ.; Intrada Publ., 2008, pp. 126–127. (In Russian)
- 28 *Russko-nemetskii i nemetsko-russkii slovar': okolo 6000 slov v kazhdoi chasti slovaria* [Russian-German and German-Russian dictionary: approx. 6,000 words in each part of the dictionary]. Moscow, OOO “Izdatel'stvo AST” Publ.; OOO “Izdatel'stvo Astrel” Publ.; OOO “Tranzitkniga” Publ., 2004. 384 p. (In Russian)
- 29 Sokol'skii E. Prochitannye knigi [The books that are read]. In: *Deti Ra*, 2016, no 7 (141). Available at: <https://magazines.gorky.media/ra/2016/7/prochitannye-knigi-65.html> (accessed 05 June 2020). (In Russian)

- 30 Tuchkov V. Aleksandr Beliakov. "Era aera". Stikhi [Aleksandr Beliakov. "Era of air". Poems]. In: *Old.russ.ru*. Available at: <http://old.russ.ru/journal/kniga/99-01-26/tuchk.htm> (accessed 05 June 2020). (In Russian)
- 31 Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of the Russian literary language: approx. 13,000 phraseological units]. Moscow, Astrel' Publ.; ACT Publ., 2008. 878, [2] p. (In Russian)
- 32 Shaitanov I. O. *Delo vkusa: Kniga o sovremennoi poezii* [A matter of taste: A book about modern poetry]. Moscow, Vremia Publ., 2007. 656 p. (In Russian)
- 33 Shtypel' A. Knizhnaia polka Arkadiia Shtypelia [Arkady Shtypel's bookshelf]. *Novyi Mir*, 2011, no 8. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/8/knizhnaya-polka-arkadiya-shtypelya-3.html (accessed 05 June 2020). (In Russian)